

Подснежные истории

Татьяна Терехова

Татьяна Терехова

Подснежные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70869113

SelfPub; 2024

Аннотация

Снежногорск – прекрасный далекий северный городок, развивался и рос вместе с Татьяной и ее одноклассниками. Татьяна подросла, пошла в старшую школу. Снежногорск становился для них огромным и в свое время маленьким, немного повзрослевшие северные ребята пополняли свои истории все более яркими впечатлениями, они становились все более известными своими выдумками и приключениями, своими достигшими мечтами и невероятными целями на будущее.

Татьяна Терехова

Подснежные истории

На далеком Таймыре, поблизи Енисея
Средь снегов *лесотундры* и ночного сиянья
Создала уголочек Зимняя Ворожея
Тихой дивной природы на двух речках слиянья

Создала ель с березкой, сизый куст голубики
Вдоль тропинки оленьей разбросала брусники
Завывание ветра и морозную стужу
Звезд огромное небо отражавшихся в лужах

На деревья садила белых сов, серых чаек
А вдали рисовала волков с лисами стаи
Здесь песцы и олени солнца круг провожают
Бурундук с лаской хищной его летом встречают

Ночью солнышко светит летним теплым июлем
А зимой только месяц освещает путь вьюге

В речке бурной прозрачной, на *Хайнтайском пороге*
Щука с нельмой искристой ждут тайменя с дороги
Он ходил подалеку, на реку *Горбиачин*,

в *Кулюмбе* ночевал, видно тоже рыбачил

Расстилала ковры из *жарков* рыжеватых
В них *саранки* склонились как в красе виноваты
Иван чаем укрыла все луга вдоль дороги
Гвозди пижмы воткнула сладко пахнущих медом ...

А в лесу всех богатств не собрать и не счесть
Здесь *черника*, *брусника*, *княженика* здесь есть
Под осиной и елкой шапки красных грибов
Кличут семьи масляток пришлых всех грибников

Рисовала, лепила, расставляла, водила,
Успокоилась будто, прилегла на минутку
«Ах! Я что – то забыла», – вскрикнула Ворожея
«Кто все это увидит, что я все здесь содеяла?»

Позвала на подмогу добрый дух человеческий
Отдала блага эти от себя, по – сердечьи.
Помогла речку бурную в три хлопка укротить
Укрывала от выюги, чтоб жильё смастерить

Вот с тех пор речка ловко добывает тепло
Люди трудятся славно, раздавая добро
Наловчились рыбачить на озерах, ручьях
И добычу приносят на *Буранах* в саях

После трудной недели собираются вместе
На гитаре играют, стихи, шутки и песни
на столах *сугудай, малосол, строганина*
И *макала из пупльы, юкола, солонина*

Лыжи, сети, капуста там в *сарайках* хранятся
И пушистые лайки у подъездов резвятся.
На *девятом карьере* на *Зарнице* сражались
Там же взрослые в мае на лыжню собирались
Имена наши выбиты вечно на скалах
Снежногорск вот чем память и слух наш ласкает

На далеком Таймыре есть родной городок
Где в любую погоду там горит огонек
Там сердца все родные, все живое кругом
Там мой, твой, Ворожеи, там наш северный дом.

Снежногорск развивался и рос вместе со мной и моими одноклассниками. Он становился для нас огромным и в свое время маленьким, мы выросли, наши истории пополнялись яркими впечатлениями, мы становились все более известными.

Итак, все по порядку про наши Подснежные истории.

Начало взрослой школы

Переход во взрослую школу был в четвертом классе. Но волей судьбинышки моей, я была отправлена на каникулы к бабушке без родителей* и к 1 сентября меня никак не могли забрать домой. Время тянулось очень долго, я понимала, что там (дома) происходят невероятно интересные вещи – и новая школа, и новые уроки, и новые учителя, а уж что там в моей любимой музыкалке!

У бабушки мы убрали весь огород, выкопали картошку, собрали ее в мешки, убрали капусту, я так старательно во всем этом участвовала: выбирала из земли картошку в ведра, таскала по одному кочану капусту в погреб.

Я была настолько легкой, что могла сидеть на стволах капусты, которые торчали из земли после среза с них кочанов. И вроде бабушка откормила за лето, но вес видимо я не набрала. Про откорм бабушкин всегда была отдельная летняя история. Я же ввиду своей специфической болезни (врожденной язвы желудка и двенадцатиперстной кишки) не ела совершенно, как ни заставляли меня ни дома ни в саду или в школе, есть у меня не получалось. В школе приходили по очереди родители из родительского комитета и дежурили в столовой, смотрели как все едят, потом позорно или уже привычно озвучивали, что «Таня Терехова опять не ела», все это докладывалось родителям и я в очередной раз дома получала нагоняй. Когда меня привозили к бабушке, первой фразой что я всегда слышала от нее: «Господи, опять худю-

чую как палку привезли. Что ж это такое? Не ребенок, а доска!». Дальше больше – в первый обед и ужин в меня старалось впихнуться все что я любила и в принципе это было вкусно, но очень много и приготовлено из других продуктов (на север возили все не такое, как в последствии я узнала взрослой – все из-за границы, мясо, например, всегда возилось только замороженное), как следствие в первую же ночь у меня начиналось несварение желудка. И это означало что я будила бабушку и дедушку, разводилась трехлитровая банка воды с марганцовкой (сейчас мне кажется, что она заготавливалась с вечера)), все выходили в веранду, передо мной ставилось помойное ведро, из банки наливалась много раз розовая вода в чашечку и шла промывка желудка. Я не знаю почему каждый год эта церемония повторялась, но видимо постоянство – конек моей семьи. На следующий день я естественно не ела, только грустно смотрела на тарелку с картошкой, курочкой и салатиком... А бабушка приговаривала: «Что ж это за дытына такая, исты не кушае!» (моя бабушка была русской, а дед, который погиб на войне в 1942 году, украинцем, вот он бабушку привез из под Кирова на Украину, и прожила она там все сознательную жизнь, а чисто по украински говорить так и не научилась, вот такая речевая смесь «исты» /«кушать», «воробец» – комбо из воробей (русск.) и горобэць (укр.), «гелка» – комбо из «гилка» (укр.) и «ветка» (русск.) и т.д.).

По окончании этого лета я была такой правильной, тихой,

но очень расстроенной, что еще до сих пор я не дома в Снежногорске. По утрам, после завтрака в доме (было уже холодно, и мы не ели во дворе за круглым большим столом рядом с умывальником, который бабушка уже занесла в дом), я надевала куртку, теплые колготки и шла на дежурство к забору, смотрела на дорогу, по которой должен был прийти за мной мой папа... Уже желтые листья повсюду кружились и падали, птицы не пели, было зябко и серо, все дети утром с портфелями шли в школу, одна я стояла и стояла возле забора...и плакала. Я правда очень соскучилась за папой, мамой, за друзьями и своим огромным черным пианино.

Пианино кстати мне купили перед моим первым классом, я и папа были уже у бабушки, а мама с Ирой в Снежногорске, потому что у Иры были экзамены и выпускной и когда они приехали, я также увидела их идущими по дороге к калитке и сломя голову понеслась им навстречу, ну как понеслась...полетела коленками вперед! Мне так хотелось показать маме место где выпал первый зуб, а Ире свое новое платье! Мама же мне сообщила очень радостную новость, что нам привезли огромное черное блестящее красивое пианино! Как жаль, что увижу и поиграю я на нем не скоро, нам же еще надо «поступать Иру» в институт в Киеве, помочь бабушке красить дом, натаскать угля с улицы в сарай, папе наколоть дров, а мне их переносить в сарай, собрать ягоды, сварить компот, сходить на речку, где папа будет играть в волейбол, мама плавать, а потом всем вместе есть обед, состо-

ящий из вареных яиц, огурцов, вареной колбасы и компота в трехлитровой банке, который наливался в чашку с розовыми цветочками всем поочередно – самые вкусные обеды в детстве!

Не радостно было мне провожать глазами учеников с ранцами на спине каждое утро, встречать взглядом их, счастливо шагающих по осенней грязи домой. Я ведь тоже так хочу. А самое ужасное, что там (в Снежногорске) новый классный руководитель, много учителей и все учат английский язык, а я пропускаю! Да, Ира выучила со мной алфавит, но я чувствовала, что этого недостаточно. Мне очень нужен был английский, петь перед зеркалом на выдуманном иностранном языке мне надоело, и я хотела понимать слова песен и петь их по-настоящему.

Однажды утром я проснулась и увидела, как птичка стучит в окно. Я побежала радостно к бабушке сообщить эту новость, и она заулыбалась, сказала: «Гости будут». И правда, в обед, неожиданно, приехал папа! Я была счастлива бесконечно!

В общем приступила я к учебе в этом классе аж 5 октября, целый месяц был пропущен. Я старалась догнать всех во всем и в принципе преуспевала, кроме английского (физкультура не считается, там я была, как и в шеренге, всегда последней, позже научили называть это – крайней или первой с конца). Да, и к концу первой четверти я получила по английскому тройку! Это была первая тройка в четверти за

всю мою школьную жизнь. Я очень горевала и попросила учительницу Веру Павловну дать мне задание на каникулы.

Для меня, как для круглой отличницы, год этот начался так себе... Грусти добавляла зима, которая никак полным ходом не начиналась, ведь я любила лютые морозы, когда снега уже выше взрослых людей, когда можно в сугробах трехкомнатную квартиру вместе с Ленкой Угловой вырыть, когда железки к языку пристают, а вот этой осенью-зимой как все было уныло – мало снега, зябко, сыро, тройки в дневнике, отстала в музыкалке... И главное меня никто не ругал, а червоточинка в сердце зародилась. Слава всем моим друзьям, одноклассникам и школе, что тоска моя продлилась совсем недолго, закрутили наши приключения.

Голодное северное детство

Жизнь на севере была прекрасной во всех отношениях, и нас не огорчало отсутствие газировки, отсутствие кукурузных палочек, взамен у нас были сосульки и желтый снег, и мороженого у нас тоже не было. Ну как не было – эскиммо на палочке, в шоколаде или мороженое в вафельных стаканчиках мы ели на материке, в Снежногорске его не было, но был молочный завод, где делали и молоко (из порошка) и кефир, творог и даже мороженое. За всем этим добром мы с самого детства ходили в магазин. За молоком и кефиром с бидончиками, творог был расфасован в пакеты, а сметану нам на-

ливали в банки. Все молочные продукты почему – то продавали по талонам, и вот Аленку Тапошникову мама как-то отправила за молоком с трехлитровым бидончиком. Аленка жила далеко от магазина, кстати там же, в соседнем доме жила Женька, зато обе недалеко от начальной школы. Так вот пока дойдут они до центра и до магазина, событий могло произойти очень много. Помните путь от нас до музыкалки, озеро, плотик? Вот они шли даже дальше. И, конечно, мысли были везде, все привлекало в Аленкины раздумья – почему облака несутся так быстро, с кем бы на плотике покататься, почему у собак шерсть выстрижена клоками*. В общем Аленка пришла в магазин, выстояла очередь, подала бидончик продавцу, налили ей молока, отстояла очередь в кассу, а там кассир и говорит: «Талон давай», Аленка и по карманам, и по сторонам, нет талона... Подсказали «добрые» люди заглянуть в бидончик, и оказалось, что талон то на дне лежал, от синей печати молоко даже окрасилось в легкий небесный цвет, которым и любовалась Алена по дороге в магазин).

А вот мороженое хоть и делали, но я не помню, чтоб его нам покупали или посылали за ним в магазин. Наверное, нам хватало снега и зимы, так считали родители. Но вот редко конечно, но в школе мороженое нам давали, раздавали в граненых стаканах, приговаривая чтоб съедали побыстрее и не ляпали на стол каплями мороженого с ложек, или слюнями, сейчас это уже не важно. Мороженое в школьную столовую привозили в огромных бидонах, из которых продавали в ма-

газине и молоко и кефир, а еще я видела, что и подсолнечное масло. Сейчас я предполагаю, что привозилось оно перед непосредственной подачей, чтоб не растаяло, не было тогда ни морозильных камер, ни мобильных охладителей. Вот и увидели мои одноклассники Пашка, Олег, Сашка Босин, что долгожданный бидон был завезен и оставлен в холодном тамбуре, который находился недалеко от столовой. В их головах тут же родилась мысль: «вот бы вдоволь набрать и наестся мороженого, да чтоб никто не увидел и не узнал». Заранее придуманного плана не было, т.к. никто не знал графика выдачи нам лакомства, поэтому на решение и выполнение задуманного у них было ну минут пять, еще меньше оставалось до звонка на урок. Урок был русского языка у самого грозного учителя Розы Александровны прозвище – Розочка, представляла собой пожилую маленького роста женщину, с кудрявыми светлыми волосами, очень строгим взглядом светлых огромных глаз, накрашенными губами, красивыми блузками с рюшами или воротничками, розовыми кофточками поверх этих блузок. В общем образе знаете ли, такая невинная старушка, кажется, что только улыбающаяся, добрая фея, от которой никогда не услышишь ни обидного словечка, не увидишь строгости или злости. Ан нет, вот здесь то мы и столкнулись, я впервые, с тем, что внешность бывает настолько обманчива и эта невинная старушка в розовых рюшах, кружевах и кудряшках была Гитлер в юбке, причем свою жестокость к людям она проявляла расстрелом через

сожжение в виде двоек в дневнике и журнале, раздавала она их в огромном количестве и беспощадно, которую боялись даже родители.

Из-за того, что времени было совсем в обрез, найти что-то чем набрать и главное куда побольше мороженого у парней не было возможности, но мороженого хотелось и побольше. Начали просто есть руками, облизывая пальцы и ладони и опуская назад в бидон за порцией. Пашка недолго думая сбегал за 5 секунд в раздевалку и достал из рукава свою шапку, сказал набирать мороженое в нее. А чем? И тут Олег увидел в углу совок для мусора! Идея! Они стали совком набирать в шапку мороженое, время утекало очень быстро, а набиралось медленно, мороженое то и дело соскальзывало назад в бидон с плоского совка! Что делать? Сашка Босин сообразил лихо – снял туфель с ноги и стал загребать со скоростью экскаватора! Полная шапка набрана! Туфель тоже! И тут зазвенел звонок на урок, парни рванули в класс с добычей, бежали настолько быстро, что ни одна капля мороженого не упала на пол, ведь надо было скрываться от всех глаз учителей и завучей, надо заметить, что тамбур этот был рядом с кабинетами директора и завучей, и нельзя было опоздать на урок! Они залетели в класс очень удачно, Розочка еще не дошла до класса, задержалась в учительской, подготавливала тщательно журнал для наших очередных двоек.

Олег и Сашка сидели за первой партой, Пашка за последней. Так как шапка была в руках у Олега, он с ней так и сел за

парту, шапку «незаметно» поставил на пол под парту, Сашка в одном туфле сел, поджав ноги, туфель с мороженым также «незаметно» поставил под парту сбоку. Хихикали они громко, Пашка ржал в голос, сказывалось нервное напряжение плюс интрига, о которой не знал весь класс, мол «дурачки сидят вокруг, а мы герои еще и с добычей!»

Зашла Розочка (Роза Александровна, грозный учитель русского языка и литературы), начала опрос присутствующих, грозным взглядом выбирая очередную жертву спроса домашнего задания. Задание было выучить наизусть стих Есенина «Бабушкины сказки». Стала думать Розочка как вызывать жертв по очереди, вот вышла Ленка Углова, потому что подняла руку самая первая и стала с выражением гласить:

В зимний вечер по задворкам

Разухабистой гурьбой

По сугробам, по пригоркам

Мы идем, бредем домой.

Опостылеют салазки,

И садимся в два рядка

Слушать бабушкины сказки

Про Ивана-дурака.

И сидим мы, еле дышим.

Время к полночи идет.

Притворимся, что не слышим,

Если мама спать зовет.

Сказки все. Пора в постели...

Но а как теперь уж спать?

И опять мы загалдели,

Начинаем приставать.

Скажет бабушка несмело:

«Что ж сидеть-то до зари?»

Ну, а нам какое дело, —

Говори да говори.

И Ленка и я кстати очень легко запоминали стихи и отрывки из рассказов. Я это понятно, сама ж и поэтесса, и писатель, чуйка вне времени и пространства рифмы и размеров стихов прям способствовала запоминанию. А вот у Любы, моей подруги из города, где жили мои бабушки и дедушки, была совсем иная история с этими «ненавистными стихами». Люба очень хорошо училась, но больше всего ей нравилась математика, а вот литература заходила только со стороны чтения и пересказа прозы, но никак не стихотворений и тем более их запоминаний. Для Любы были черными днями, когда надо было запомнить и рассказать стих, как для меня дни с физкультурой. Но дар быстро запоминать любую информацию у Любы был, для этого ей надо было лишь очень вдумчиво, до образов в мыслях, прочитать несколько раз, проиграть внутренний фильм в картинках, и тогда все запоминалось легко и быстро. Минус в ее этом даре было то, что запоминалось ярко и в сто процентной точности, но ненадолго, одноразовая бонусная акция мозга, так сказать.

Люба на перемене всегда брала учебник, садилась на подоконник в коридоре, вдумчиво, аж шевеля губами и закрывая глаза, несколько раз читала стих, пересказывала в мыслях и спокойно шла на урок, там первой подымала руку, отчеканивала запомнившееся, получала пятерку и на выдохе напрочь забыв, о чем вещала минуту назад, спокойно седи-

лась заниматься своими делами. Так было на протяжении пары лет! И вот как говорится, и на старуху бывает всякое, случился казус, стоивший Любе «почти двойки». Пошла Люба в коридор к своему подоконнику изучать очередной стих, да вот подоконник оказался занят. Время поджимало и Люба встала, оперевшись о стенку, посередине коридора. Раскрыла страницу на стихе стала вдумчиво читать и представлять:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,

На мутном небе мгла носилась;

Луна, как бледное пятно,

Сквозь тучи мрачные желтела,

И ты печальная сидела —

А нынче... погляди в окно.

И тут пробежавшие мимо мальчишки просто снесли Любу в сторону, выбили из рук учебник и даже растрепали косу. Она сначала побежала за ними, чтоб двинуть сдачи, но остановилась поднять учебник и тут же вспомнила, что получить двойку будет иметь гораздо больше негативных последствия и решила читать дальше. Открыла страницу и стала опять

шевелить губами, запоминая в образах стих.

Прозвенел звонок, Люба с полным чувством выученного домашнего задания подняла руку и вызвалась рассказывать первой.

Получилось так:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,

На мутном небе мгла носилась;

Луна, как бледное пятно,

Сквозь тучи мрачные желтела,

И ты печальная сидела —

А нынче... погляди в окно:

По дороге зимней, скучной

Тройка борзая бежит,

Колокольчик однозвучный

Утомительно гремит.

Что-то слышится родное

В долгих песнях ямщика:

То разгулье удалое,

То сердечная тоска...

Посередине началось шуршание и тихое хихиканье, но Люба не останавливалась, т.к. одноразовая акция могла закончиться и посередине. С достоинством рассказала до конца, с чувством выполненного долга, но под недоумевающий взгляд учителя, села назад за парту. Дальше тишина, о причине которой Люба даже не догадывалась, чувство полного и правильного рассказа стиха не покидало, смущало хихиканье одноклассников, но ведь это могло быть «завидуют» или «сами дураки», да все что угодно. Учитель подошла к Любе ближе и спросила:

– Люба, у тебя все хорошо?

– Да, а что такое?

– Ты когда учила стих?

– Вчера весь день учила

– Ну ка выйди к доске и повтори

Вышла Люба, а не тут-то было, даже безупречно выученные два отрывка из двух стихов хоть и одного поэта, вспомнить не смогла... Вы догадались, что выбитый из рук учебник был захлопнут, а открыт на другом стихе того же поэта, поэтому чувство стиля, размера стиха осталось у Любы теми

же, а вот стих другой...

Следующей вызвана к доске была Женька, она с меньшим выражением, но уверенно заговорила:

В зимний вечер по задворкам

Разухабистой гурьбой

По сугробам, по пригоркам

Мы идем, бредем домой.

Опостылеют салазки,

И садимся в два рядка

Слушать бабушкины сказки

Про Ивана-дурака...

И тут резкий возглас Розочки поверг всех в полуобморочное состояние:

– Что это такое!!! Ай яй яй!!!!!! Спасите!!!!!!

При этом она смотрела куда-то на ноги Женьке и вид у нее был, как будто оттуда ползет страшная змея! Женька стала

прижиматься к доске от ее взгляда и реально чуть не потеряла сознание от страха.

Розочка закричала:

– Смотрите! Что это?????????

Самые смелые и любопытные соскочили со своих стульев с последних парт, Пашка в том числе вылетел к загадочному месту первый. Кто-то просто перегнулся через парту посмотреть, что там, у Женьки с другой стороны загадочного действия были огромные глаза.

Из-под парты реально выползала белая змейка, ползла быстро, немного извиваясь и приближаясь к Женькиным ногам. Женька же от вежливости, страха и быть наказанной двойкой, что сошла с места, и от испуга, реально стояла как вкопанная, только все шире и шире раскрывая глаза. Но потом резко как заорет: «АААААААААААА! ЗМЕЯЯЯЯЯЯЯЯЯЯЯ!» За ней следом стали орать все, началась паника и хаос, беготня и броуновское очень быстрое движение по классу. Кто за кем или зачем уже было непонятно. Некоторые мальчишки повскакивали на парты и топтали ногами, девчонки бегали и визжали. Крик и паника!

Резким словом «СТОП!» из уст Розочки движение было остановлено, причем все как в игре «Море волнуется», у нас было так: «Море волнуется раз. Море волнуется два. Море волнуется три. Четверобэшная фигура замри!» (4Б класс – прим. Автора). Замерли все, даже снег за окном и электричество в проводах, Розочка была харизматичным лидером

во всех отношениях, ей подчинялся весь мир во время урока русского языка или литературы!

Она подошла к парте Олега и Сашки, нагнулась и достала шапку из которой и лилась та самая жидкая белая змейка. Розочка стала задавать вопросы, ответ на которые знали только парни, Пашка молча стоял возле доски, замершим памятником. На ее вопросы ответов не поступало, и Розочка стала выходить из себя. Тут вступился Пашка, сказав: «Роза Александровна, мы же не знаем, что это такое! Кто это туда поставил и зачем!»

В принципе этой версии можно было придерживаться и далее, парни бы не выдали друг друга и действительно, кто знает что оставили предыдущие классы под партой и ушли, и вообще что в этой шапке и чья она (Пашка уже готов был идти домой без нее, и навсегда забыть про нее, как будто ее и не было никогда, мамке бы что-нибудь придумал, вплоть до того, что собаки унесли по общественный, мамка конечно бы надавала подзатыльников, но под общественный никто бы даже не полез искать собак с шапками, разве что Дашка, имея опыт общения на собачьем языке). Но тут, прямо в самый кульминационный момент всеобщего замирания и молчания после Пашкиных слов, а молчание Розочки означало надежду, что она поверила, как и все непосвященные в сие таинство, стала ползти вторая змея из-под противоположного угла этой самой парты... Розочка наклонилась и достала туфель!!! Из которого также лилась такая же белая змейка!

Класс ахнул! Пашка очень артистично стукнул себя по лбу и показал кулак Сашке Босину. Сашка, блондин от природы, моментально покраснел, вот и сейчас он стал пунцовым, но и это не выдало бы все патовую ситуацию наружу, как его только одна обутая нога в аналогичный туфель... все... занавес... Здесь начались вопли одной Розочки!

Далее выяснилось, что это за белое содержимое шапки и туфля по запаху и по вывешенному меню в столовой (оказывается там было написано, что будет мороженое), откуда взялось это содержимое в этих пикантных сосудах никто не говорил. Ответ был «не знаем», «кто-то подсунул», «у Сашки сперли туфель и натолкали туда мороженого» и так далее.

Потом приходил директор и завучи, очень ругали всех нас, что мы испортили целый бидон мороженого и сколько людей трудилось над ним и старалось для нас и как будет голодать вся школа, и сорвали урок литературы, не рассказав 20 раз стих величайшего Некрасова, и самое ужасное – мы очень расстроили Розу Александровну, расстроили так, что наш дружный и веселый класс стал «этот ужасный Б класс самый чудовищный, нестерпимый, который был в ее жизни, в нем одни неучи и хамы».

Мороженое мы не поели и от этого не расстроились, нам достаточно снега, а вот оскорбление про неучев и хамов запомнили, и это далеко не плюс к карме Розы Александровны, а наоборот пунктик к нашему плану возмездия, который скорее всего и зародился в этот самый день.

*в Снежногорске было много собак породы лайка, не модные сейчас хаски, а именно лайки, такие среднего размера собаки с очень густой шерстью, воротником как у волка, добрыми глазами и хвостами, закрученными колесиком. Мы знали всех собак по именам.

Вот возле четвертого подъезда моего, первого, дома всегда гордо лежал серый пес Верный, были Кроха, Бона, Серый, Мухтар, Полкан (конечно!), Белка. Такие классные имена! Не было Лаки, Греев, Блэков, я ничего не имею против, но запад настолько прочно вошел в нашу жизнь в 2000е, что неприятно о том, что забыли такие добрые и ласковые имена и названия.

Ближе к осени все собаки набирали густую шерсть к зиме, и, к сожалению, порой даже трагедии, становились объектами охоты браконьеров, да, были и такие, которые забирали собак для шерсти... Это ужасный факт существовал и видимо их никак было не поймать или это было не наказуемо с точки зрения законов. Тогда все хозяева своих Полканов и Белок выстригали им клоками все густую шерсть на спине и по бокам, и они все становились в горошек, смешные и одинаковые.

Музыкальный спектакль

В музыкалке Наталья Владимировна, кстати давно нас с

Ленкой простившая за прогулянный урок сольфеджио и нашу месть за ею поставленные двойки, объявила, что будем ставить музыкальный спектакль по сказке Андерсена «Дикие лебеди». Если бы мы в тот же момент или к тому моменту прочитали эту сказку, наверняка бы побоялись участвовать в сием действе – если вы реально вдумчиво читали вообще сказки Андерсена, то там сплошная готика и культ смерти и сказка «Дикие лебеди» не исключение! Например, там сестра братьев-лебедей Элиза траву ночами на кладбище собирала, а в это время упыри поедали мертвецов из могил, ужинали так сказать, за Элизой следили городские власти, т.к. заточена она была в тюремную башню и сбегала ненадолго по ночам на кладбище за травой, ее в результате поймали и обвинили в шабаше, приговорив к смертной казни через сожжение. В общем жуть писал Андерсен, но к этому времени содержания этой сказки мы не знали, а проявить свое врожденное актерское мастерство прям не терпелось.

С Ленкой мы устраивали спектакли и концерты очень часто у себя дома. Обычно это происходило, когда у кого-то из нас были гости и в середине веселья, когда родители с гостями еще не ели сладкое и не танцевали. Да! Да! Вот так раньше проходили вечеринки по квартирам – сначала раскладывался стол, как правило это был стол-книга, накрывался накрахмаленной праздничной скатертью, выставлялся хрусталь и праздничные сервизы, серебряные ложки, я любила крутить салфетки в стакан красивым цветочком-лилией, на

кухне умопомрачительно пахло очень вкусно, в хрустальные вазы раскладывались салаты, на красивые тарелки бутерброды со шпротами, в специальные селедницы – селедка присыпанная сверху зеленым луком, выращенным на подоконнике. Подавалось сначала закуски, хлеб нарезанный в отдельную корзинку передавался гостям из рук в руки по кругу, говорились тосты, смеялись. Потом хозяйка торжественно выносила горячее – это было зачастую курица с картошкой, видимо в советские времена это был показатель роскоши, а может и доступности. Далее следовало длительное застолье, с тостами, потом с разговорами небольшими кучками, с перекурами мужчин в подъезде или на кухне (в Снежногорске дома без балконов). Далее мужчины могли сесть играть в шахматы, женщины говорили про чулки, рецепты, врачей и эстраду. И уже далеко вечером, убирались и мылись тарелки, заново раздавалась на стол и подавался торт и ваза с конфетами, разливался чай в чашки, включался громко проигрыватель или магнитофон, и все вставали танцевать. Вот здесь начиналось безудержное веселье иногда с перерывом на выпить пару рюмок, чашек чаю или покурить.

Так вот мы с Ленкой выступали в том промежутке, когда еще сладкое не подалось и мужчины еще не сели играть в шахматы.

Обычно сценарий был спонтанный, главное было не повторяться, чтоб мы были всегда актуальны и интересны. Бывало, что это просто было исполнение пьесы в четыре руки

на пианино, но об этом просили сами гости, мы были не в восторге, нам это и на сцене и в музыкалке надоедало, души наши требовали нового и свежего. Бывали кукольные театры, сооруженная загородь из табуреток и покрывала, участники спектакля из всего подручного материала и игрушек. А бывали и личные дуэтные выступления с танцами и песнями. Вот для таких выступлений тетя Люба разрешала брать все ее платья, Ленка на правах дочери хозяйки гардероба конечно надевала самые лучшие, особым было желтое в крупный черный горох с кружащейся юбкой и широкими рукавами, мне же надо было еще подобрать что намотается на меня как на спичку и будет нормально смотреться. Были и цыганочка с выходом, и кружащиеся цветы, и танцующие куклы, и елочные игрушки, и кружащиеся снежинки (между прочим это все названия танцев, которые не озвучивались зрителям, они должны были догадаться, и кто давал первым правильный ответ получал от нас приз).

Вообще к выходу на большую сцену мы с Ленкой были готовы. В спектакле были задействованы все наши одноклассники по музыкалке, в том числе Дашка Котова и Катя Петрова. У Кати Петровой кстати были известные родители на весь поселок – папа врач хирург, мама учитель биологии. Таня тоже, как и мы с Ленкой, была круглой отличницей, и мы с ней дружили с садика, еще и жили в одном доме. Таню выбрали играть роль Элизы. Это самая прекрасная роль, ведь она мало того, что главная и девчачья, так она предусматри-

вала шикарные платья принцессы, вот Кате повезло. Нам с Леной и Дашей и еще восьми девочкам достались роли братьев, но из этих всех братьев мне естественно самая отличительная роль – самого маленького брата-лебедя, если вы знаете сказку, то самого несчастного, которому рукав сестра в конце не успела довязать и остался он навсегда человеком-лебедем с одним крылом. Тут можно было даже не сомневаться, что роль несчастного заморыша будет моей. Наталья Владимировна, будучи очень грамотным и тактичным учителем, дабы сгладить сие назначение меня на роль последнего, объявила, что я назначаюсь еще и **ГЛАВНЫМ** помощником в этом спектакле вместе с Леной Угловой! Нам предстояло много репетиций, пошив костюмов, отработка смены декораций. Это было так завораживающе интересно! Как сейчас это называют – амбициозный проект!

Наши мамы колдовали над костюмами, кроили крылья из старых простыней и сооружали короны из проволоки, обмотанной золотой фольгой, мы ведь были принцами, лебеди с коронами. Мы все выступали в синих трико (подштанники которые носили зимой) и свитерах. Самый красивый свитер был у Дашки, ее мама так красиво вязала, и свитер она связала специально к выступлению, сине-зеленые нитки с блестящими ниточками. С Ленкой крутились у зеркала дома и не могли дождаться выхода в свет наших принцев)

В самом спектакле было много смены декораций, ведь Элиза то в лесу вязала, то набрела на озеро, где плавали мы,

братья-лебеди, замуж вышла за принца во дворец, но сбегала на кладбище ночью к упырям, то в темнице плела рубашки, то на казнь ее вели. Для этого были нарисованы на плотном картоне деревья (имитация леса) и прикреплены к доскам, устойчивым на полу, нарисованы камыши и кувшинки с лягушками (озеро), страшный забор (видимо это было кладбище или что-то наподобие), замок со светящимися окошками (дворец принца), огромный костер и цветущий куст (для кульминации сказки, где костер превращается в цветущий сад после того, как братья стали людьми, а Элиза заговорила).

Нам с Ленкой предстояло успевать и уносить/приносить декорации, из огромных кусков ткани делать вид полей (ярко зеленая ткань заменяла траву) и озеро, по которому плыли лебеди, для этого мы разворачивали рулон ткани брали концы в руки и делали «волны».

В принципе мы так же с папой раз в месяц вытряхивали и чистили ковры и дорожки на снегу. Рано утром в субботу начинали уборку, сворачивали рулонами ковровую дорожку из зала и половики из нашего длинного коридора и кухни и с веником и палкой шли во двор, взгромождались на наш высокий, спрессованный долгой зимой сугроб, образовавшийся поверх кустарного парка, разматывали рулоны и начинали топтаться по ним, папа бить палкой, потом переворачивали и делали тоже самое, в самом конце сметали с поверхности веником снег, делали «волну» половиками и сворачи-

вали в рулон, на снегу оставались серо-черные следы от выбито-вытоптанной пыли. В процессе иногда из форточек нашего дома доносилось:

– Колька, ну вот кто тебя просил так делать?

– Коля, ну ты человек или нет?

– Николай, оставайся на улице, теперь придется тебе мне помогать, у тебя же лучше и раньше всех получается!

– Коля, ну кто ж так делает, а? Кто ж в святую субботу половики чистит?

– Иди теперь сам объясняй моей, почему ты так делаешь, а я не могу!

Как я потом слышала рассказ папы маме, что это мужчины нашего дома, так высказывали недовольство, что их жены «пилят» на тему «Иди и ты почисть ковры! Видишь, Коля Терехов может, а что значит ты не можешь?».

Был генеральная репетиция без костюмов и две генеральные репетиции в костюмах. Какое же красивое принцессинское платье было у Кати – красное с белым, с прозрачными рукавами, длинное и объемное как колокольчик, до пят, со стоячим накрахмаленным воротничком, золотая корона на голове у Кати была шикарной! Мы были тоже хороши – синие костюмы, прикрепленные крылья к спине и рукавам. У меня самая сложная конструкция, так как я должна была остаться с одним крылом. У всех крылья были пришиты к свитерам, у меня тоже, а в конце, когда Элиза накидывала на

нас рубахи из травы, мы очень быстро скидывали свои свитера и оказывались в белых рубашках, а у меня на рубашке было пришито еще одно крыло на правом рукаве!

Настал день спектакля! Мы волновались, переодевались в кабинете сольфеджио, репетировали свои песни, кружились, с Ленкой проверяли как мы слаженно носим декорации (многие были спрятаны за роялем на сцене, а некоторые в кабинете сольфеджио), Катя проверяла и поправляла то юбку, то воротничок на платье.

Наши родители сидели в зрительном зале, были и учителя из обычной школы, все работники музыкальной школы. Больше всех конечно волновалась Наталья Владимировна, от этого она еще строже давала нам напутствия. Мы каждая мысленно пообещали не подвести никого, ведь репетировали и готовились так долго и упорно!

Спектакль прошел практически без запинок, пару раз мы столкнулись с Ленкой чуть не лбами, так интенсивно носили, убирали декорации, наши короны еле удержались на головах. У Дашки так сверкал свитер! Волны из ткани получились безупречно, кстати наши вокальные партии тоже!

В конце вот эта интрига, когда все оказываются в рубашках, а я медленно поднимаю правую руку и под ней расправляется крыло – было изумительно и потрясающе, я даже слышала в зале удивленные возгласы!

Нам аплодировали стоя, спектакль и правда шикарный, как вокалом, так и сыгранными ролями)

Очередной наш звездный час в актерском мастерстве).

Побег из дома

Была у меня еще одна подружка с детского сада дружили – Оля Донилова. Мама ее была тренером по спорту в общественном, папы у нее не было. Оля была всегда такой целеустремленно боевой, готовой на любые подвиги, спортивная как мама, дома выполняющая всякие задания, порой даже мальчиковые – вынести мусор, самой протрясти дорожки на улице, соответственно и забавы у Оли были больше схожие на мальчиковые, ну далеко не наряды со спектаклями и панино. Играли мы с ней всегда отдельно, без Ленки, Кати и Даши. Любили с ней играть в больницу, причем делали мы операции куклам. Оле даже удавалось принести лейкопластырь и бинты из дома, играли обычно у меня! Однажды разлили зеленку и конечно нам не удалось скрыть свой косяк, получили обе, но так и не сознались где ее взяли.

Вот как-то играли мы с ней в больничку, играли и надоело нам уже оперировать этих кукол, а оставлены мы были под присмотр моей сестры, она тогда на каникулах зимних была в Снежногорске, но к Ире пришли ее одноклассники и они сидели в зале, что-то там делали, тоже играли, наверное. Она один раз к нам заглянула в спальню, убедилась, что все хорошо и ушла. Вот гулять нам почему нельзя было, хотя был выходной день, было светло, т.е. это была или осень, или

весна, возможно был сильный мороз, т.е. по метеоусловиям мы с Олей были оставлены дома. Но сидеть то нам надоело, хотелось на улицу, пошла я отпрашиваться к Ире, а не тут – то было – нельзя и точка. Причем им там весело в зале, а нам в пустой операционной без пациентов нет. Оля высказала гениальную идею – давай убежим!

Ну давай, вот только как, самая главная опасная составляющая была в том, что в зал дверь была стеклянная. Знаете, такие двери в СССР, где стекло как в рамочку, как паспарту заключено в дверях? Не орг. стекло рифленое, а именно просто стекло! Вот такое и было в нашем зале, а за ним Ира с веселыми одноклассниками, и мы с Олей как в телевизоре перед ними. И еще была проблема – верхняя одежда, которая находилась в сушилке – это такой встроенный шкаф, который был у всех в квартирах кирпичных домов, где располагалась батарея для сушки и обогрева одежды, а сушилка была практически напротив двери зала.

Мы решили все делать поэтапно и сначала стащить одежду в комнату. Некоторыми усилиями и отвлекательными маневрами, мы открыли половину двери сушилки, которая была за углом просмотра из двери. Вытащили штаны, кофты, шубы и валенки, перетащили в комнату и спрятали под кровать. Несколько раз мы почти одетые резко раздевались, так как к комнате кто-то приближался, 2 раза ложная тревога – шли в туалет, 1 раз зашла, улыбаясь, Ира проверить все ли в порядке. Она спросила, что мы прячем под кроватью, но там

к счастью была прооперированная кукла, которую я и вытащила с честными глазами!

Потом мы поняли, что проблема еще в захлапывающемся замке, который очень громко открывается на входной двери. А для того, чтобы пройти к двери, надо пройти незаметно мимо двери зала. Идея была, что мы типа играем в догоняшки туда-сюда по коридору и остановимся около двери и откроем ее неслышно. Мы стали бегать от двери к двери, нас заметили, но не вышли, остановились и стали тянуть язычок замка, он щелкал и очень слышно щелкал. Тогда Оля стала петь, сначала тихо, по мере продвижения язычка громче и громче. Тут вышла Ира с вопросом: «Че горланите как ненормальные и почему возле двери?», я успела отпустить язычок, и он предательски на фортиссимо захлопнулся... Ира отправила нас в комнату назад.

Вы думаете нас остановил захлопнутый замок? Этот громкий щелчок сработал как сигнал к старту!

Мы решили вынести мусор в мусоропровод и оставить незакрытой дверь. Пошли к мусорке, она как назло наполовину заполнена. Быстрыми штрихами было искалякано пол альбома и смято, порвано на куски, сложено объемно в мусорку. Я так гордо шагала к двери с мусорной корзиной в обнимку, заглянула в зал и вежливо спросила не надо ли чего еще выкинуть, а то я несу «рисунки» в мусоропровод. План сработал, дверь была оставлена открытой!

Далее по-солдатски мы были одеты и первой отправилась

Оля по коридору по-пластунски, под нижней рамкой паспарту двери, я держала половик чтоб не съехался гармошко и очень нервничала. Дальше поползла я, но у меня задача была сложнее – я продвигалась сбоку половика, по доскам пола. Доползла, оглянулась, половик нормально, не зацепила. Мы вышли в подъезд, прикрыли дверь и со скоростью звука побежали вниз по ступенькам. Выбежали на крыльцо, пошли вдоль дома, под окнами по снегу, чтоб не видно было нас и из окна, быстро-быстро, до последнего подъезда, дальше от угла дома до угла общественного и до помойки! Все! Сердца бешено колотятся, но погони нет, нас никто не увидела, ура!

Пошли мы гулять до пожарки, потом назад к общественному и тут Оля сказала: «а вдруг нас кто увидит и доложит Ире?». Было быстро решено лезть под общественный! На севере все здания строятся на сваях, низ зданий прикрыт, но не до земли и там всегда есть очень много места, чтоб пролезть или даже пройти, нагнувшись в моем мизерноразмерном случае.

Пролезли и пошли в полный рост там гулять. А там! И коробки, и тряпки и огромные сталактиты! А еще эти сталактиты все желтые! То есть присутствие собак в больших количествах было отмечено везде. Присели мы на ящик и сидим...

Оля запела нашу любимую с ней песню я подхватила:

Я бегу по полю, а в руке сачок.

Он такой голубой.

От меня не спрячется ни жучок,

И никто другой.

Тапс, тапс тарурай, тарурай, тарурай
Солнце в небе светит, словно вери вэл

Майский жук пролетел.

Я бегу по полю, а весна идет,

Пчелка 3-3-3 поет.

Тапс, тапс тарурай, тарурай, тарурай
Соберу для школы я коллекцию

Бабочек не одну.

Ну, а если попадется червячок,

И его возьму.

Тапс, тапс тарурай, тарурай, тарурай

Тапс тапс

Мы так запевали и тянули, аж самим понравилось, а под зданием еще и эхо звучное такое, как лед, которым оно обросшее снизу.

Очень символично петь про лето, червячков под зданием со сталактитами, сидя на ящике, в крытых одинаковых шубах (как роба в тюрьме) и валенках, мы конечно вовремя и в тему песню исполнили.

Стали мы подмерзать, я еще и варежки забыла, пальцы остекленели, не забывайте, что метеоусловия были неблагоприятными в этот день даже для прогулки, не то чтобы для сиденья под зданием, где даже летом снег не тает из-за вечной мерзлоты.

Стали мы выбираться назад, и тут...выскочила свора собак из-за сталактитов! Мы ускорились, они тоже, Оля стала паниковать, я тоже. Оля побежала, а я не смогла, то ли страх сковал, то ли холод, то ли моя нефизкультурная натура. Меня охватывал ужас быть съеденной дикими собаками под общественным, но бежать я не могла. А Оля рванула и тут я увидела, как уже перед выходом ее догнали собаки. То есть собаки сразу плюнули на меня немощную, что с меня взять, а Оля очень аппетитно трясла попой и щеками, когда убегала.

Собака схватила ее за штанину, в этот момент подбежала я и умоляя просила ее отпустить мою Олечку. Я вспомнила все Дашкины навыки разговора с собаками, но руками я тоже махала. В результате что – то сработало, то ли руки, то

ли язык собачий, но они отступили, и мы вылетели из-под здания. Я тут же упала и покатила по снегу, Оля неслась за мной, а собаки остались в укрытии.

Знаете, куда я прикатилась? Никто не догадается, но прямо к ногам моей Иры! Сердце ушло в пятки, причем в пятки к Ире, в моих оно было, когда я бежала за собаками или от них.

Ира подняла меня на шкурку с такой силой, что голова моя повисла как у куренка, намотавшись шеей на ее руку, и потащила домой

Я начала скрипеть: «Отпусти! Я хочу гулять!»

На что Ира просто молча тащила домой, сзади бежала Оля и умоляла простить.

Дома Ира швырнула мною по коридору, но летела я не далеко, тормозной путь сократил половик в коридоре, я шмякнулась возле косяка двери-паспарту и начала рыдать. Все громче и громче набирая оборотов с требованием «отпустить меня гулять!». Вот зачем мне надо было немедленно вернуться на пустую холодную улицу я пока не знала, видимо мною двигал инстинкт самосохранения во избежание неминуемой казни за побег.

Ира подпихнула меня в зал и сказала снимать верхнюю одежду, я рыдая поняла, что отпустить она меня не собирается и стала с таким рвением сдирать с себя шубу и шапку, что стаскивая шапку, я чуть не удушила себя резинкой. Знаете, такие резинки из трусов, которые пришивали к концам

«ушей» шапки-ушанки и потом ловкими движениями рук резинка скручивалась на подбородке и натягивалась наверх шапки, таким образом «уши» не развязывались, шапка сидела плотно на голове и не сносилась ветрами, а мальчишки очень «любили» подойти ко мне, как к самому низенькому одетому пеньку, натянуть резинку на моей шапке и резко отпустить – пемссс!!! и у меня звенит в ушах, сыпятся искры из глаз, а мальчишки бегут в разные стороны. Кинула я шубу в одну сторону, шапку с почти оторванной резинкой головой в другую и тут Ира приказала снимать валенки. Ах так! И матанула я своей ногой в одну сторону, другой в другую, валенки легко улетели с моих худых ножек по – моему даже с носками. Шмякнулась я на пол рыдая дальше, вот тут я рыдала уже от безысходности и страха за содеянное. И когда стала немного успокаиваться, Ира сказала посмотреть на телевизор, а там...сверху лежал мой валенок! Второй под стулом пианино... Я рванула убрать следы преступления, а не тут-то было! Ира сказала, что оставит как есть, чтоб родители увидели, как я себя вела без них, и что обязательно расскажет и про побег, и про обман и что я обед плохо ела... Вот тут-то началось взывание к Ириной сестринской любви, к совести, потом угрозы мести, слова что никогда ее уже не полюблю, но Ира была непоколебима!

Я ушла рыдать в спальню и решила, что там залезу под кровать, там и умру, чтоб никто не узнал и я не смотрела в глаза родителей. Страх и стыд!

А знаете, как любила меня Ира? Она все прибрала и валенки, и шапку с шубой и дорожку поправила, разгладив торозной путь и пришла успокоить. Как только эффект был достигнут, Ира все же сказала идти заниматься музыкой, иначе как я понимаю, Ира бы огреблась тоже, ведь Людмила Григорьевна живет над нами и пока не слышала моих криво исполненных гамм сегодня.

Я впервые была счастлива на миллион процентов от чувства прощенности!

Но, когда пришли родители, они уже все знали, Олина мама им все рассказала, опять сказался малый масштаб нашего поселка и всеобщее знакомство с сарафанным радио. Папа взял табуретку, сел рядом, я вжалась в свой кокон. Он очень серьезно, но почему слегка заплетающимся языком, стал спрашивать зачем я обманула, обидела и испугала Иру? Ответа у меня не было... Я же не могла сказать, что авантюра не моя, и что мне было безумно интересно убежать из дома, что под общественным такие сталлактиты классные, что я смогла отогнать собак от Оли, что научилась ползать по-пластунски. Это было огромное приключение, которое пока описать не могла, потому что слова упрека были у всех.

Потом родители ушли на кухню, а рядом села Ира... Я как кинулась ей в объятия, как давай рыдать и просить прощения, что Ира не выдержала и тоже стала плакать, вот так мы с ней поклялись друг другу, что не будем обманывать и убегать друг от друга никогда!

Как мы познавали мир

В нашем поселке все новости разлетались моментально, причем у взрослых были свои новости, не интересные нам, а наши новости хоть и интересовали взрослых, им никто не сообщал.

Одной из таких новостей, например, было место где сдохла собака или кошка. Причем кошки то ли умирали чаще, то ли не уходили далеко, но их мы рассматривали чаще. И такая новость была актуальна только летом или осенью, когда не было морозов. Иначе даже самая огромная, но мертвая кошка на морозе становилась не интересной, так как в ней не было ОПАРЫШЕЙ! Да, мы ходили смотреть на опарышей, причем интересней всего это было на третий или четвертый день, когда их много, запах нестерпимый, а ИНТЕРЕСНО!

Ходили маленькими партиями, секрет передавался из уха в ухо и только своим. Мы ничего не делали ни с трупом, ни с опарышами, просто смотрели и день ото дня интерес рос по мере исчезновения шкуры и мышц и роста количества опарышей. Потом, когда опарыши исчезали, оставались одни кости, интерес пропадал и место забывалось.

Еще нас интересовали не только мертвые животные, но и места, где ближе к весне собаки приводили щенков. Обычно это было под домами или на теплотрассе. Всегда щенков по

пять-шесть было у одной собаки. Знаете, такие серо-коричневые комочки с высоко поднятым коротким хвостиком, лапы у них широкие с блестящими ноготочками на пальчиках. Берешь такого пузыря в руки, а он аж кряхтит, как мне казалось от удовольствия. Начинаешь его тискать и прижиматься к его мордочке, а от него молоком пахнет и чудом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.